① 2002 год, суббота, 16 февраля, газета "АВАНГАРД". Газета Тетюшского района Республики Татарстан

Дорогие читатели!

Я рад, что благодаря нашей районной газете тетюшане смогут прикоснуться к духовному миру писателя и исследователя, ученого и общественного деятеля, Заслуженного работника культуры Российской Федерации и Республики Татарстан Николая Васильевича Нарышкина, более близко познакомиться с его творчеством.

…Читая книги Н. В. Нарышкина, замечаешь, что всё чёрное и злое уходит, освобождая место светлому…

…мне хочется предложить вниманию одно из ярких жизненных повествований Н. В. Нарышкина – "САД ОТЦА", которое, как благодатное семя, должно лечь в плодородную почву…

Я просил бы на примере этого произведения создать для себя в своих поселках свой райский уголок на Земле, который называется САД.

Н. ЧЕКМАРЁВ,

Председатель районного Совета народных депутатов,

Глава администрации района, член-корреспондент Академии Гуманитарных наук Российской Федерации.

Н.В.Нарышкин в Саду Отца.

…ные леса, в овраги и долы, к родникам.

Стоял я, завороженный волшебством природной красотищи, и не мог досыта напиться духом Родной Земли, Земли моих Родителей, Земли моих Дедов и Прадедов—Русской Посурской Песенной Земли!.. Подо мною, к югу от тропы, красовался Сад. В нескольких шагах от меня через овраг во…

…ликом погрузиться в Тайны Прекрасного и остаться навсегда в этом Сказочном Посурском Природном Мире.

Отец, составляя единое целое со своим Творением-Садом, степенно переходя от яблони к яблоне, от вишни к вишне, от улья к улью, был погружен в думы. Это было заметно по его какому-то особому философскому Состоянию, вызванному в Сознание и в Душу встречей с только что про…

САД ОТЦА

Очерк Николая Васильевича НАРЫШКИНА

ЭССЕ

Наш сад и сейчас жив, хотя вот уже пятнадцать лет, как ушел из земной жизни его Творец и Радетель — мой Отец, кадышевский Русский Крестьянин **Василий Иванович Нарышкин.**

Отец очень любил свое Детище — Сад. За несколько дней до кончины смертельно больной Отец с помощью своих родных октябрьским ненастным, серым, облачным днем вышел из родной, уютной, теплой избы, вошел через калитку в огород и, еле держась на больных, уставших от трудной восьмидесятилетней жизни, ногах, пристально вглядевшись в очертания родовой старинной Крестьянской Усадьбы и низко, чуть не до земли, поклонился своему Детищу — Саду. В те минуты прощания оба были печальны: и Отец, и его Сад. Они понимали, что эта встреча у них — последняя…

…в 1959 году. После их усердных трудов с Божием благословением Сад весело стал расти. В саду, вволю питаясь соками щедро ухоженной человеком подгорной присурской земли, наперегонки начали набирать силу 60 (!) яблонь разных сортов из разных Поволжско-Посурских питомников и более полсотни (!) вишен, приобретенных Отцом в мордовском селе Налитове, что километрах в семи к западу от Кадышева.

…щих сползание горы на Махотин заулок и огороды его жителей, в Сад… десятками пар галки, вороны… В течение дня над Садом многократно раз пролетали… стрижи и деревенские ласточки. Эти неугомонные птички совершали в воздухе над Садом головокружительные пируэты.

…Работа ими была проделана, прямо надо сказать,—титаническая.** Только одного конского навоза и навозной жижи они главным образом на себе, иногда на тракторной тележке с находившегося рядом бывшего конного двора перечалили на площадь будущего сада поди сотни тонн! Они, мои Родители, Крестьяне Русские, знали Крестьянское Дело, знали и цену ему. Занимаясь Творением Сада, Тятя и Мама совершали воистину Подвиг Трудовой, кому аналогов даже в присурском Кадышеве, богатом на разные выдающиеся трудовые свершения, еще до этого не было!..

Посадку фруктовых деревьев и плодово-ягодных кустарников Отец и Мать сделали в основном…

…нился Родительскому Творению—Рукотворному земному Райскому Саду. Поодаль от меня стояли, с нескрываемым любопытством следя за моей реакцией на увиденное, Тятя и Мама, родные, друзья, соседи. Оглядевшись по сторонам, я никак не мог не заметить достойный великолепному Саду интерьер: тесовую городьбу, перестроенную баню, вновь построенную просторную кладовую, новый сруб у древнего колодца. **Короче говоря, предо мною предстала Усадьба в центре с Садом что надо!** Я был в эти минуты несказанно рад Новому Началу Биографии моих почти шестидесятилетних Родителей. **Начало это было насыщено нескончаемым Счастьем Бытия…**

По мере взросления Сада его все настойчивее и настойчивее обитаемо птичье население Посурья: соловьи, скворцы, воробьи, голуби, сороки, кукушки. Из За…

…возможные музыкально-песенные концерты-импровизации. Особенно усердствовали в этом творческом процессе соловьи и скворцы. Их сольное пение, по-моему, собирало поутру в нашем Саду души даже тех кадышанцев, кто давным-давно покинул земной мир. У соловьев сценой служили десятки обвитых утренней росой кустов смородины, а у скворцов—ветви яблонь и вишен, крыши бань, амбаров, домов.

За утренней жизнью Сада Отец я особенно любил наблюдать с тропы, которая шла метрах в ста от Сада с северной его стороны, мимо тополей, над царством Заманихи, по склону, укрытому ковром душицы и полыни, красногрудой горы, с ее подошвы наверх, где расположены нагорные кадышевские улицы. Вела по нагорным улицам кадышане и с нижних улиц направлялись по разным заботам на многочисленные поля, в различ…

…тополя о чем-то шумно, перебивая друг друга, судачили-галдели галки. Через мою голову опрометью проносились в поле и лес за кормом для своих еще не оперившихся детенышей грачи и скворцы. Возбужденное чириканье исходило от стай воробьев. Вдоль горы и по горе, по садам и огородам слышны были чудные песни. Их заливистые нотрели вали соловьи. Всюду: в воздухе, на траве, на лопухах, на цветках—заботливо жужжали пчелы и беззаботно куролесили стрекозы, бабочки, жуки, мухи. С огородов сладко пахло картофельным, тыквенным, огуречным духом. С Долгой горы легкий ветерок расплескивал по округе запах душицы. Во все поры тела и, конечно, в душу проникал настоянный на утренней росе тополиный дух. Присутствие Поэзии, Музыки, Живописи тут было всюду. Настолько сильна была их магия, что хотелось как можно скорее це…

…и все кадышевские люди. Каждое Слово Отца—Реальное Дело, оформленное Мыслью…

Родительский Сад во все годы жизни Тяти и Мамы был гостеприимным Пристанищем для сотен и сотен людей. Никогда и никому не было отказано бывать в нашем Саду, вволю дышать его воздухом, лакомиться душистыми яблоками, есть с куста вишню, смородину, поваляться на травке, попить водички из садового колодца, попариться в баньке, выпить рюмочку-другую водочки, закусив жареной семейными женщинами рыбкой, отведать липового меда… Хлебом и солью, яблоками, ягодами и медом мои хлебосольные, добродушевные Родители встречали в Саду каждого, кто его посещал. Всяк Человек был нашим гостем. В гостях у нас бывали: седовласые столетние старики; одинокие, изможденные невзгодами…

Продолжение на 4 стр.

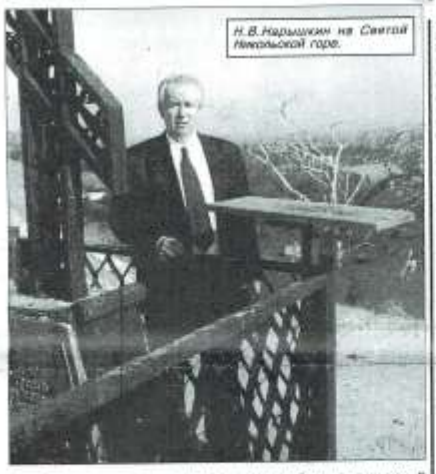
НАРЫШКИН (Махотин) Николай Васильевич Профессор Казанского государственного технического университета (КАИ) им. А. Н. Туполева, Действительный Член Российской Академии Гуманитарных Наук (Академик), Академик Международной Гуманитарной Академии "Европа-Азия", Почетный профессор Института культуры мира (ЮНЕСКО), Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин Карсунского района Ульяновской области, член Союза писателей России, член Союза журналистов, публицист. Заслуженный работник культуры Российской Федерации и Татарстана, Председатель Юбилейного Языковского Оргкомитета. Автор книг "Махотин извоз", "Мятущаяся Россия", "Священная Сура", "Кадышевский эпос", "Разговор праведника с нечестивцем", "Русский дневник". Тома 1-43,"Сквозь пелену времен. Афоризмы", "Путями праведными к вершине жизни", "Сад Отца", "Моя Посурская сторона. Поэма" и более 600 других произведений.

Начало на 3 стр.

жения старушки; молодые ребята; казашки, по разным причинам живущие в разных концах страны и приехавшие на побывку в родное село; русские, мордвины, чуваши, татары; родные, знакомые и соседи чужих людей. Нередко в Саду слышны были песни голосяные, артельные и одиночные. Перекликаясь с птичьим пением, с шумом тополиных, частенько в саду играла гармошка и виртуозничала балалайка. Наш Сад за долгую свою жизнь всего наслушался и наглядался. Слышал Сад: песни старинные, песни современные, пение частушек, рассказы вальяльщиков о своих похождениях на стороне, во время вальяльного сезона, рассказы казашат об издевательствах над ними со стороны всяких «коммунис-активистов», малых и больших начальников, финансистов-сметчиков-взяточников, колхозных «правленцев». Гостями Сада каждый день были наши домашние псы Пушок и Сигнал, коты наши Васька, наша куры во главе с петухом Цифиркиным, полно соседских кошек. Залетали в Сад погостить у своих друзей-птиц с Суры даже куликн и стрижи. **Весело, хоть и в непрекращающихся заботах, шла садовая трудовая жизнь. Сад никакой праздности не знал, в нем все его постоянные обитатели круглосуточно трудились.** Часов по семнадцать в сутки трудились и его Сознатели-Люди, мои Родители—Тятя и Мама. Присутствие гостей в саду, их развлечения как-то тонко, незаметно органически вплетались в рабочий ритм Сада и не являлись даже на миг какой-то особой праздной нормой жизни. Норма жизни Сада была Работа, Работа, Работа...

Особым украшением Сада, его Составной необходимой Частью являлся **Пчельник. Отцовский Пчельник!.. Наш Пчельник!.. Пчельник в Саду Отца—Бесконечная Поэма, Высокая Проза, Величественная Сага о Жизни Пчел,** пожалуй, самых таинственных Детей Природы.

Пчельник в Саду Отец создал в 1962 году, накануне своего 60-летия. Так уж получилось, что Отец ко Дню своего Рождения сам себе преподнес щедрый Подарок. Вначале Пчельник состоял всего из трех семей пчел, купленных Отцом в села Русская Гальшевка. Какие это были семьи!.. Каждый рой весил около четырех (!) килограммов! Пчелы оказались невероятно старательными, они тут же на новом месте своего жительства взялись за дело: начали таскать в магазины мед, каждая семья заготовила почти по два пуда меда; за лето все три семьи отроилнсь, создав еще по молодецкой семье пчел. К пчелиным новосельям Отец готовился загранее и тщательно: мастерил новенькие ульи для пчелиной молодежи, приобретал в достаточном количестве рамки, вощину и прочий инвентарь. **Домики-пчельники, построенные Отцом своими руками, были всем, даже бывалым пчеловодам, на зависть!** Каждый год Отец мастерил для пчел ульев. Всего он сооружил, наверное, ульев пятьдесят! Пчельник моими Родителями постоянно, год от года расширялся и обустраивался. Количество ульев, населенных пчелами, на пчельнике достигало двадцати и пору, когда Отцу и Матери было уже за семьдесят лет! **Возраст, конечно,—почтенный, а работы в Саду, на Пчельнике, да еще в Огороде, усажденном картошкой, тыквой, помидорами, огурцами, луком, морковью, дынями, капустой, свеклой, хватило бы, без всякого сомнения, и на десять молодых мужиков и женщин. Любимая, поленая для себя и для других людей Работа приносила Тяте и Маме такое Наслаждение-Вдохновение, которое помогало им справляться с ее колоссальным объемом.** У Тяти и Мамы не было постоянных по работе помощников. В какой-то мере им помогал я, приезжавший в Отчий Дом каждое лето в двухмесячный отпуск. Очень старалась оказать помощь в огородно-садовой и пчеловодческой деятельности, в работе по хозяйству моя жена—Людмила Михайловна. Старательно помогал Дедушке и Бабушке наш сын Александр, гостивший у бабушки и дедушки в Кадашкине с годовалого возраста по два-три месяца каждое лето. Но все-таки основное бремя нелегких Крестьянских Забот лежало на плечах Василия Ивановича и Анны Михайловны—наших Родителей...



Н.В.Надышкин на Святой Николаевской горе.

Особой значимости торжественным событием в нашей семье в летнюю пору была качка меда! Это событие—Радость Великая! Его мы ждали с весны, всю зиму и весну всю. К нему мы все готовились заранее и основательно: мыли и проветривали на солнце медогонку; тщательно обрабатывали фляги под мед; в подвале-машанке, где зимовали пчелы, все прибирали, чистили; хозяйки, мама и моя жена Люся, в этот праздничный для семьи день пекли пироги, готовили самые что ни на есть изысканные блюда: семейные женщины мыли попы в избе, приносили ведра воды из Елнь родника, что в километре от дома...

Запрягие горницами гнилушками Дымарь, надев поверх обычной одежды еще и халат, забухавшая на нем и на всей одежде все прорехи-дыры, надвинув на головы сетки, мы всей семьей направлялись к одному из ульев. Отец аккуратно снимал с улья крышку; клал ее на траву, затем осторожно сдирал плотно пчелами приклеенное к верхней части рамок пропольное сотами полотно и доставал густо налитый медом сотовые рамки. Как-то по-особому нежно Отец стряхивал с рамок в улей пчел и подавал одну за другой рамки мне. Я их складывал в специальный ящик и проворно доставлял рамки в подвал-машанку, где предварительно была нами установлена медогонка. Следом за мной в подвал подходили: Тятя, Мама, Люся, Саша, а иногда—соседи. Рамки с медом устанавливались в специальные устройства медогонки. **Все готово к главному акту—качке меда:** и начинали мы мед качать! Кто-то из нас брался за ручку и с помощью ее начинал всю внутреннюю конструкцию медогонки приводить в движение. При определенной скорости вращения конструкции, с установленными в ней рамками, мед из них выдувался и стекал по стенкам медогонки на ее дно. Мед из медогонки сливался в чистую посуду, как правило, в эмалированные ведра, а затем—во фляги или в пивные кадушки. Технология качки меда, конечно, простая, но ведь дело-то вовсе не в технологии медодобывания, а в необыкновенной праздничности этого трудового, очень романтического процесса.

САД ОТЦА

Качка меда в Саду Отца под пение птиц, стрекотание тысяч всяких букашек, бабочек, в лыжицын духе садового растительного мира была для нас сравнима с высокой, какой-то Неземной Поэзией. Каждый элемент музыкально поэтического процесса качки меда являлся или маленькой элегией, или песней, или лирическим стихотворением, или романсом, или вальсом, или басней, или балладой, а то даже и былиной. Для меня от начала до конца, все время, работа на Пчельниках в Саду Родителей, добром общения с пчелами было Сказочным Счастьем!..

Отец любил пчел. Мне казалось, что он знал все даже о каждой пчеле, а их на Пчельнике жило и трудилось сотни тысяч. Доброе отношение Отца к пчелам способствовало полному отсутствию на нашем Пчельнике «злых» пчел. На нем всегда, во все годы пчелы были очень добрыми, очень старательными. Каждая пчела весь световой день занята была: добычей нектара с цветов луговых трав и с цветов липы, с других медоносных растений; выработкой из нектара меда, а из почек тополя, березы, осины—прополиса. Было у пчел много и других дел: поддержание должной организации в семье; обихаживание своего пчелиного дома-улья; воспроизводство пчелиного рода, забота о подрастающем поколении и др. дела.

Отец умел и разговаривать с пчелами-труженицами, на что они отвечали ему взаимностью, в чем-то и про что-то тоже жужжали-ведали. За многолетнее общение с пчелами Отец не только ни одну пчелиную душу не погубил, но и даже самой маленькой обиды ни одной пчелы не нанес. Вот таким земным Человеком-Хозяином являлся мой Отец—Крестьянин, Земледелец, Садовод, Пчеловод, Огородник, Вальяльщик, Педагог-Воспитатель своих детей и внуков, Созидатель, Патриот, горячо влюбленный в свой Отчий край, в свою Родину, в свою землю, в свою Святую Русь, в свой Русский народ, в его речь, в его Песни...

Первые уроки жизни в Саду получил от своих Учителей Дедушки и Бабушки—Василия Ивановича и Анны Михайловны, от своих Родителей—Николая Васильевича и Лидиаиы Михайловны наш Саша, родившийся солнечным днем 9 сентября 1954 года. Уже восьмимесячным ребеночком в апреле 1955 года наш лучезарный Сын и Внук Александр Нарышкин с великим любопытством вслушивался в чарующие все живое явлениия садовые мелодии. Матери-патронов знаменитых посрских крестьянских Фамилий, в Саду, делая первые шаги по родимой русской посрумяными яблоками, райскими птичками и светлыми игривыми солнечными зайчиками, весело порхающими со дерева к дереву, с ветки на ветку, с листочка на листочек, с кусточка на кусточек.

Сыночек-внуночек наш особенно радовался, заливаясь детским смехом, при виде для него фантастических, издающих непрерывно мелодичных звуков жужжания существ. **Это были пчелы!** Пчелы понимали (!), что возле них, почти рядом с их домиками-ульями, часто посредине пчелиной трассы, находится, стараясь держаться на еще не окрепших детских ножках, маленький добрый Человечек с ангельски ликом. И наверное, поэтому-то пчелы его, детя, никогда не обижали. Пчелы, наоборот, при виде малыша, нежно держащегося за зеленую ветку яблони и наблюдавшего за пчелиным вальсированием, старались как можно грочче и веселее жужжать...

История нашего Михотина-Нарышкина Сада хранит множество интереснейших на садовых лужайках встреч, полно всяких бесед и разговоров, в коих приняли участие в течение двадцати шести лет сотни людей разных возрастов и профессий, из разных сел и городов, разных национальностей и вероисповеданий.

Все беседы в Саду, как правило, начинались на всякие вольные темы, а заканчивались серьезнейшими дискуссиями по всевозможным проблемам истории, культуры, политики, сельского быта, поведения людей. Сосредоточием мысли среди участников встреч являлись, безусловно, самодеятельно-полезные **Старцы**, такие как: наш Отец Василий Иванович Нарышкин, Тимофей Иванович Глазистов, Михаил Кильдюк, Иван Григорьевич Шилин, Николай Александрович Ипатов, Андрей Александрович Ипатов, Семен Петрович Круглов, Алексей Васильевич Кокшев (Макуров), Степан Иванович Глазистов, Иван Яковлевич Серов, Степан Яковлевич Ярославов, Михаил Васильевич Клинов, Трифоний Андреевич Круглов, Степан Алексеевич Баранов, Петр Иванович Кавков... У всех у них был колоссальный жизненный опыт, все они являлись не только **Крестьянами, но и Вальяльщиками, Воинами.** Большинство из них прошло через тяжелую мировой и второй мировой войн, войны гражданской, через пожары революций и «преобразований», через страдания коллективизации и индустриализации, а некоторые—и через ад тюрем и лагерей. Помнили они, как кадашцы в 30-е годы загоняли силой в колхоз и в шею гнали из своего Очагo края в Оренбургские степи, в дальневосточные леса, в городские, пропахшие гарью, чадом, керосином трущобы Самары (Куйбышева), Орска, Хабаровска.

Много чего помнили те Старики, о многом они знали, со многих в жизни они не соглашались, многое в жизни они хотели изменить. В тех садовых философских беседах, своеобразных «тайных вечерях», обязательно принимали участие не только и не Люся, за их ходом с «искрывавшимся любопытством, впитывая каждую мысль и каждое слово, следил и наш сын Саша. Беседы мудрых Людей на мудренные темы, по сложнейшим вопросам бытия приотрывали для нашего сына Огромный Мир Прошлого и указывали надежные Тропы в Будущее.

Пожалуй, самые познавательные часы у меня в жизни были тогда, когда в нашем Саду собиралась отовсюду, со всех сторон Кадашкова, из Орска и из Саранска, все наша Родня—большая Семья Нарышкиных, Галушиных, Махотиных, Старжевых, Гудковых... На садовой поляне-лужайке, неподалеку яблонь и ульев, устраивались поудобнее в предвкушении доброй беседы: Отец Василий Иванович, Мать Анна Михайловна, я и моя жена Людмила Михайловна, наш сын Александр, мой брат Иван Васильевич с женой Екатериной Павловной и детьми Натальей и Андреем, мамины братья Григорий Михайлович Галушин и Филимон Михайлович Галушин, некоторые из их многочисленных детей, внуков и правнуков (все они жили и ныне живут в Орске Оренбургской области), мамины сестры Анисья Михайловна Галушина и Прасковья Михайловна Гудкова (Галушина), мамина двоюродная сестра тетя Нюра Баранова (по отцу Старкова), тоже мамина двоюродная сестра Поля Нарышкина (по матери Старкова), Василий Иванович и Николай Николаевич Семеновы (по матери Нарышкины), Махотины и Нарышкины из соседнего села Кирзяти. Были на лужайке и другие наши родственники...

Каждому из нас было что и о чем рассказать. Я, например, говорил о службе на Тихоокеанском Флоте. Отец всегда с неохотой говорил о своем трудном, безрадостном детстве, о том, как он с шести лет начал работать: батрачить: пасти овец, коров, гусей, плести лапти, вить из мочала веревки... Вадькин, Отец сказывал нам и об ужасах войны 1941—1945 годов, участником которой он стал почти в первые же ее кровавые дни. Много бед свалилось на плечи Отца во времена индустриальных строек, в первую бесплатной работы в колхозе. Вспоминал Отец и о многих других нерадостных событиях своей тяжелой долгой жизни.

Мои дедья Григорий Михайлович и Филимон Михайлович, труженики до мозга костей, старались нам выдавливали из себя горькие слова о том, как они, вышедшие из семьи трудников, героя Отечественной войны с супостатом, после окончания этой кровавой межчеловеческой бойни в часть их сетных подвигов и за их бесчестие в дни коллективизации на долгие десять лет были... сосланы на каторжные работы (о, ужас!) в шахты холодной и голодной послевоенной Воркуты.

Тетка Анисья Архиповна, всю свою жизнь проработавшая на тяжелой и грязной работе в заводы-то подсобном хозяйстве Орска, с великой неохотой, со слезами на воспаленных от натуги глазах рассказывала о невероятных издевательствах над ней, над всей Крестьянской семьей Галушиных в черные дни кадышкиной «коллективизации». Однажды всех членов семьи, старых и малых, здоровых и больных, вдруг, ни с того ни с сего, темной, проклятой от пролитых дождей ночью выкинули из родного, построенного их мозолистыми руками дома, в грязь на улицу. Изверги просрали дяжны матом им, чтобы в течение 24 часов их в селе не было. Такими методами в тридцатые-сороковые годы двадцатого сатвенного века из нашего Кадышева изгнали его лучшие Крестьянские Фамилии, подкосив напрочь все Надежные Опоры Русского Села...

Другая тетка—Прасковья Михайловна Галушина (в замужестве Гудкова), мать шестерых детей, вдовая, охая и плача, делилась с всеми нами своими страданиями, кои выпали на ее долю в кучнические военные годы. Муж тети Паши Николай Иванович всю войну провоевал, вернулся с войны искалеченным. А тете Паше с детьми на руках голодать, спасаясь от смерти объедками со скотоводческой фермы, на которой трудилась ее сестра Анисья. Анисья Михайловна, рискуя жизнью, эти объедки и самой Прасковьи Михайловны потаясь таскала...

Продолжение следует.

САД ОТЦА

Начало в номерах 13-14

Моя милая Мама, всю жизнь бесплатно пробатрачившая на немилых «колхозных» полях, больше говорила о страданиях на окопах, которые она, вместе с десятками других односельчан, рыла зимой 1941 года в районе Тагая, что километрах в пятидесяти к западу от Ульяновска и километрах в восьмидесяти к востоку от присурского Кадышева. Мороз той трагической для России зимы достигал в Поволжье 40—50 градусов. Окопщиков, стариков и женщин, почти не кормили, а работали они, голодные и полураздетые, от темна до темна. Окопы рыли, прогрызаясь через метровой толщины мерзлую, сплетенную корнями деревьев землю на глубину до 2—3 метров. Надо заметить: площадка, на которой планировалось рыть окопы, предварительно должна быть очищена от столетних дубов и сосен, достигавших метровой толщины, стометровой высоты, с могучей корневой системой. Мама все повторяла и повторяла: «И как это мы, горемычные, только выжили?!»

У моего родного, единственного брата Ивана Васильевича, образованнейшего Человека и крупного инженера, была своя тема разговора. Семейный народ ее с охотой поддерживал, задавая Ивану Васильевичу массу разных вопросов. Брат говорил о современных проблемах Русского Общества, о проблемах экономики страны, о путях возрождения загубленных Русских Традиций. В 60-е годы в Кадышеве не было радио, почти никто не выписывал газет и журналов. Народ села оказался практически вне информационного поля. Поэтому все, что говорил энциклопедически образованный Иван Васильевич, было собеседникам интересно. Мысли брата и мне очень нравились...

Что касается моей жены Людмилы Михайловны: она очень культурный Человек, знающий Русскую Литературу, прекрасно разбирающийся в тонкостях, особенно музыкального, искусства. Поэтому собравшиеся на садовой Поляне наши родственники с охотой слушали ее беседы.

Вовлекали в разговор и детей: Сашу, Андрея, Наташу-внучат Василия Ивановича и Анны Михайловны...

Сад Отца денно и нощно звучал не только голосами птиц и шелестом трав, но и человеческим песнопением. Хозяин Сада, его Творец, любил петь песни русские под русские садовые природные мелодии. Бывало, мы, семейные и наши соседи по саду и огороду, часто слушали, заслушиваясь, льющуюся из Сада такую вот песню Отца:

**Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?
Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!
Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!
Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет, как огонь,
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!
Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной!
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает Бог единый!..**

А вот одну из песен приходилось много раз за лето в нашем теплом, душистом, облитом соком жизни Саду исполнять только мне как бывшему военному моряку-тихоокеанцу для взрослеющего сына Саши. Саша ее очень любил. Особенно мой сын ликовал от патриотических, полных высокой Любви к Жизни, к Родной России, к Русскому Народу слов песни. Песню эту в нашем Отечестве поют все Русские Люди вот уже сто лет. И я гордо, возвышенно, с пафосом пел много лет в нашем Саду для сына Саши, а в дачном своем саду, что на Волге, для внука Андрюши:

**Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!
Все вымпелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудий ряды,
На солнце зловеще сверкая.
Из пристани верной мы в**

**битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!
Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снаряда,
И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»
Подобьем кромешного ада!
В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вокруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня,—
Настала минута прощанья.
Прощайте, товарищи! С Богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами!
Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!**

И сыну Саше, и внуку Андрюше я всегда особо выделял вот эти слова песни о «Варяге»: «Из пристани верной мы в битву идем, Навстречу грозящей нам смерти, За Родину в море открытом умрем, Где ждут желтолицые черти!» И Саша, и Андрюша их воспринимали с восторгом, стараясь мне подпевать. А потом с их стороны каждый раз поступал нескончаемый ряд вопросов: о море, о моряках, о кораблях, о «Варяге», о судьбе геройского этого корабля, о патриотических русских традициях...

Нередко во время наших песнопений в Саду нам кто-нибудь из кадышевских виртуозов-гармонистов, коих в селе было, поди, больше сотни, подыгрывал. Посещали наш сад и балалаечники. Постоянным гостем в Саду был наш домашний старый патефон. Патефон старательно знакомил нас со знаменитыми певцами, с певицами, с аккордеонистами, с баянистами, с гитаристами, с балалаечниками, с юмористами, с драматическими актерами. Из патефона лились на нас, разливались по всему Саду, по всей Усадьбе нашей, даже по всему Махотину заулку, голоса: Сергея Яковлевича Лемешева, Ивана Семеновича Козловского, Федора Ивановича Шаляпина, Максима Дормидонтовича Михайлова, Лидии Андреевны Руслановой, Ольги Васильевны Ковалевой, Людмилы Георгиевны Зыкиной, других великолепных русских певческих Талантов. Воистину Божественный Дух посещал Сад и околосадовое пространство, когда из патефона в исполнении гениального Ивана Семеновича Козловского звучал вот этот рассказ (ария) Лоэнгрина из величайшей оперы гениального Рихарда Вагнера: **«В краю святом, в далеком горнем царстве, замок стоит—твердыня Монсальват... Там храм сияет в украшеньях чудных, что ярче звезд, как солнце дня горит. А в храме том сосуд есть силы дивной, как высший неба дар, он там храним,— его туда для душ блаженных чистых, давно принес крылатый серафим. Из года в год слетает с неба голубь, чтоб новой силой чашу наделить: святой Грааль, источник чистой веры, и в чаше искупленье он несет. Кто быть слугою Грааля удостоен, тому дарит он неземную власть, тому не страшны вражеские козни: открыто им зло, враг черный должен**

пасть!.. Так чист и свят источник благодати, что верить должен смертный человек, а если в вас сомненье зародится, посол небес тотчас уйдет навек. Итак, вы тайну знать мою хотите ли!..» Голос И. С. Козловского умолкал... и в Саду долго-долго стояла какая-то философская, малопостижимая умом тишина. Скорее это была не тишина, а было наше Погружение в Таинственный мир Вечности, о коем только что поведал нам Лоэнгрин.

То же самое неземное чувство вызывала в наших славянских душах моя жена Людмила Михайловна своим очень русским исполнением песни «Издалека долго течет река Волга...» Это, наверное, потому, что моя милая жена Людмила Михайловна сама родом с берегов чудной русской реки Вятки, из древнего купеческого русского города Малмыжа, русского города, оказавшегося несколько десятков лет назад по воле чиновников в Татарстане. От Малмыжа рукой подать до славных русских рек Камы и Волги, на которых Людмила Михайловна много раз бывала и любовалась их ширью и полноводностью. В 1964 году, с тех пор, как я ее первый раз привел в свой кадышевский Родительский Дом, Люсю в свои ласковые объятия как самую желанную русскую женщину приняла и Священная Сура. **Люся стала преданной не только малмыжанкой-вятчанкой, но и кадышанкой-сурчанкой! Она, очень интеллигентная Людмила Михайловна, горячо полюбила и нашу крестьянскую семью, и моих Крестьян-Родителей, ставших ее вторыми Родителями, и наш Сад, и наш Махотин заулок, и присурское Кадышево, и Суру...**

Народ, восседавший на садовой лужайке, боясь шелохнуться, разом лишь повернулись в сторону моей Людмилы Михайловны, в каком-то забытьи, раскрыв настежь свои души, начал слушать певицу. И вот Она, Певица—Людмила Михайловна Нарышкина, ангелосолнце, настоящим на Духе Священной Русской земли голосом поет:

**Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга—
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга...**

(Тут все мы, конечно, повертывались к нашей Суре и прислушивались к плеску ее воды...)

А мне семнадцать лет.

(Мысленно каждый из нас, стар и млад, после пропетых Люсей этих слов возвращался в свое семнадцатилетие.)

Сказала мать:

(Я тут же украдчиной поглядывал на свою Маму, скромно присевшую на лужайку немножечко в сторонке от нас.)

**«Бывает все, сынок...
Быть может, ты устанешь от дорог,—
Когда придешь домой в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти».**

(Моей дорогой мамочки нет на земле вот уже десять лет, а я, бывая в Кадышеве, подхожу к Суре и обязательно свои ладони в Суру опускаю...)

Люся, воодушевленная повышенным вниманием к себе—исполнительница этой чудной песни, вздохнув и ласково глянув на все наполняющийся и наполняющийся мелодией Русской песни Сад, продолжает:

**Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга—
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга...
А мне уж тридцать лет.
Тот первый взгляд и первый плеск весла...** (Плеск весла... При этих словах я всегда возвращался во времена моего детства, когда я на своей лодке-долбленке с ватагой ребятни на одном весле поднимался вверх по Суре километров на 10—20...)

**Все было, только речка унесла.
Я не грущу о той весне былой—
Взамен ее твоя любовь со мной.**

(Тут наши взгляды с Люсей встречались!..).

Издалека долго

(Вдохновенно продолжает петь Люся.)

**Течет река Волга,
Течет река Волга—
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Гляжу в тебя, Волга,
Седьмой десяток лет.**

(У сидевших на лужайке мужчин и женщин, кои в солидном возрасте, на глазах появлялись слезы по утраченным молодым годам...)

Люся, как-то по-особому преобразившись, с пафосом продолжала:

**Здесь мой причал, и здесь мои друзья,
Все, без чего на свете жить нельзя,
С далеких плесов в звездной тишине
Другой мальчишка подпевает мне:
Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга—
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга...
А мне семнадцать лет.**

Люсино пение завершилось, а в нас еще долго держалась мелодия: «Издалека долго Течет река Волга...» Казалось, и Сад, только что погруженный в чудное пение, еще никак не может освободиться от магической власти песни... Мне иногда даже откуда-то из кустов Сада слышалось: «Сказала мать: «Бывает все, сынок... Быть может, ты устанешь от дорог,—Когда придешь домой в конце пути, Свои ладони в Волгу опусти...»

Поздним вечером, после заката Солнышка, Отец, оказавшись в Саду один на один с волшебным, рукотворным природным миром, любил тихо-тихо, еле слышно напевать:

**Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!**

После слов «И уж не я, а будет он в раздумье петь вечерний звон!», с грустью тихо пропетых Отцом, в только что веселошумном, музыкой Света Жизни наполненном Саду на мгновения воцарилась какая-то особая, тоской пронизанная тишина. На время, чтобы не тревожить душу Творца Сада, умолкали птицы и пчелы. Казалось, даже шелест листьев на садовых деревьях и кустарниках, на соседних с Садом тополях и то был не слышен. Отец сквозь тишину эту вновь, уже несколько громко, бросал в свой садовый Оазис слова:

**Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!**

Потом Отец молча, неслышно, медленно начинал взад и вперед ходить по погруженному в сумерки, полудремавшему Саду, заглядывая в каждый его уголочек, трогая одну за другой яблони, прислушиваясь к тихому жужжанию в ульях уставших за долгий трудовой день пчел. Пьянящий, настоенный на садовой зелени воздух успокаивал Крестьянина, умиротворял крестьянскую душу и провожал Крестьянина-Садовода и Пчеловода, уставшего за девятнадцать часов трудов в Саду, на пчельнике и в огороде, к себе, в свою уютную избу на ночной отдых. **Вот в таком почти неизменном ритме шла летняя жизнь Отца начиная с 1959 года по год 1985, то есть непрерывно двадцать шесть лет, наполненных глубоким смыслом бытия, своей Нужности людям.**

ЭПИЛОГ

Давайте представим, что в нашем присурском селе Кадышеве, как и в тысячах других селений Посурья, Поволжско-Посурского края, всей необъятной России, у каждой Семьи будет расти, цвести, благоухать и плодоносить свой Сад, а в Саду каждом станут жить и работать, мед пудами добывать пчелы. Россия наша, наша Русь Святая сразу же превратится в Рай Земной, а в Раю том сплошь зацветут яблони, вишни, десятки других фруктовых деревьев, плодово-ягодные кустарники: смородина, крыжовник, ежевика... В безбрежном Саду России небывало запоют песни чудные Райские Птички: соловьи, скворцы, жаворонки, дрозды... Воздух настоится на живительных запахах трав и цветов... С нашей Русской Земли навсегда изгонятся такие человеческие пороки, как: *жестокость, тунеядство, лень, уныние, корысть, себялюбие, немилосердие, хамство, враждебность к человеку и природе, богохульство, сквернословие...*

Н. НАРЫШКИН

Присурское Кадышево—Казань, лето-осень 1999 года